

Научная статья

УДК 811.133.1'04'272

DOI: 10.25688/2076-913X.2024.54.2.05

«MENAGIANA» В КОНТЕКСТЕ ДЕБАТОВ О ЯЗЫКЕ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ XVII ВЕКА

Голубков Андрей Васильевич

Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия,

andreygolubkov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7069-1033>

Аннотация. Статья посвящена анализу книги «Menagiana» (1693) в контексте дебатов о статусе языка и источника его нормы во французской научной и светской культуре XVII века. Книга, которая стала своеобразным подношением скончавшемуся в 1692 году французскому филологу Ж. Менажу со стороны группы почитателей и посетителей его салона, значительно отличается от книг, созданных в жанровых границах апа, которые появились в течение XVII века: в ней на смену педанту пришел образ светского эрудита. Статья направлена на раскрытие причин такой трансформации, которая связывается с изменением статуса языка и общей государственной культурной политикой, инициированной кардиналом Ришелье и нашедшей воплощение в трудах Ж. Л. Геза де Бальзака, К. Ф. де Вожла и Д. Буура. Актуальность исследования обусловлена необходимостью ввести в отечественный научный обиход малоизвестный литературный памятник, а также уточнить степень влияния лингвистических дебатов на литературу. Особенностью предложенного в статье подхода, опирающегося на методологию исторической поэтики, оказывается исследование «Menagiana» в контексте жанровой динамики апа на фоне значимых изменений, происходивших в восприятии языка в эпоху «Великого века». В процессе анализа устанавливается, что «Menagiana» порывает с традициями научных апа («Scaligerana», «Thuana», «Perroniana» и др.), причины такого разрыва усматриваются в изменении статуса языка: именно королевский двор и светская культура, а не сообщество эрудитов оказываются источником

© Голубков А. В., 2024

языковой нормы. Представленные в настоящей статье результаты позволяют в значительной степени скорректировать представления о «Menagiana», а также о стратегиях утверждения светских лингвистических идеалов во французской культуре.

Ключевые слова: французская литература XVII века, французский язык, Ж. Менаж, «Menagiana», Ж. Л. Гез де Бальзак, К. Ф. де Вожла, Д. Буур.

Для цитирования: Голубков, А. В. (2024). «Menagiana» в контексте дебатов о языке во французской интеллектуальной культуре XVII века. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 2(54), 65–75. <https://doi.org/0.25688/2076-913X.2024.54.2.05>

Original article

UDC 811.133.1'04'272

DOI: 10.25688/2076-913X.2024.54.2.05

«MENAGIANA» IN THE CONTEXT OF DEBATES ON LANGUAGE WITHIN THE XVIIth CENTURY FRENCH INTELLECTUAL CULTURE

Andrey V. Golubkov

A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia,

andreygolubkov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7069-1033>

Abstract. The article analyzes the book «Menagiana» (1693) in the context of the debate about the status of language and the source of its norm in the XVIIth century French academic and salon culture. «Menagiana» became a kind of tribute («l'hommage») to the French philologist Gilles Ménage (died in 1692) made by a group of admirers and visitors of his salon. This book differs significantly from others ana, which appeared during the XVIIth century: the witty man replaced the image of pedant. The article deals with the reasons for this transformation, which is associated with the status of the language and state cultural politics initiated by Cardinal Richelieu embodied in the works by Jean-Louis Guez de Balzac, Claude Favre de Vaugelas, Dominique Bouhours. The relevance of this study is due to the need to introduce a little-known literary work into scientific use, as well as to clarify how linguistic debates contribute to literary heritage. There is a special feature of the approach revealed in the article which relies on the methodology of historical poetics that is the study of «Menagiana» in the context of genre dynamics of ana against the background of significant changes typical XVIIth century language perception. «Menagiana» breaks with the traditions of scientific ana («Scaligerana», «Thuana», «Perroniana», etc.) and the reason for this gap is the new status of the language: now the source of the linguistic norm are both the royal court and salon culture but not the scholarly community. The results presented in the article contribute to the correct interpretation of both «Menagiana» and the strategies for asserting «high life» linguistic ideals in French culture.

Keywords: XVIIth Century French Literature, French, Gilles Ménage, «Menagiana», Jean-Louis Guez de Balzac, Claude Favre de Vaugelas, Dominique Bouhours.

For citation: Golubkov, A. V. (2024). «Menagiana» in the context of debates on language within the XVIIIth century French intellectual culture. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 2(54), 65–75. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2024.54.2.05>

Настоящая статья посвящена осмыслению книги «Menagiana» (1693) в фокусе дебатов о языке во французской культуре XVII века. Актуальность настоящего подхода определяется, во-первых, недостаточной изученностью «Menagiana» и в целом традиции книг ана, получивших распространение в западноевропейском интеллектуальном пространстве XVII века, а также, во-вторых, почти полным отсутствием исследований, связанных с влиянием дебатов о статусе французского языка на жанровую динамику ана, в истории которой «Menagiana» имеет важное значение. Пристальный научный интерес в последние два десятилетия к ана (включая «Menagiana») вызван, безусловно, обстоятельным исследованием Ф. Вильд (Wild, 2001), недавно переизданным (Wild, 2022): французские ана XVII века фактически впервые введены в нем в международное исследовательское поле. Монография К. Абивен (Abiven, 2015), а также ее статьи в значительной степени сконцентрированы на анализе ана в контексте становления жанра анекдота. Особенностью нашего подхода, опирающегося на методологию исторической поэтики, оказывается исследование жанровой динамики ана на фоне значимых изменений, происходивших в восприятии языка в эпоху «Великого века», в связи с чем настоящая статья оказывается продолжением нашего исследования «Scaligerana» (Golubkov, 2022). Представленные в ней результаты позволят в значительной степени скорректировать мнения о «Menagiana», а также о стратегиях утверждения светских лингвистических идеалов во французской культуре.

Жиль Менаж (1613–1692), известный французский поэт, филолог и завсегда́тай салонов, в середине XVII века посещал самые известные ассамблеи, в том числе салон г-жи де Рамбуйе (с 1640 года он был близок к герцогу де Монтозье, зятю госпожи де Рамбуйе) и Кабинет братьев Дюпюи (до 1640); кроме этого, в разные годы состоял в окружении Г. Гроция, кардинала де Реца, Ж. Шаплена, П. Пелиссона, служившего культурным советником суперинтенданта Н. Фуке, госпожи де Сюдери, маркизы де Севинье, а также госпожи де Лафайет, ставшей его самой известной воспитанницей. Менаж снискал славу блестящего эрудита, писавшего стихотворения на четырех языках — помимо французского, на итальянском, латыни и древнегреческом; широкую известность получили его разыскания по этимологии («Этимологический словарь», «Происхождение итальянского языка» и др.). В 1652 году в своем парижском особняке он учредил ассамблею, собиравшуюся изначально только по средам (день недели определил название — «Меркуриалы»), на которой обыкновенно присутствовало два или три десятка интеллектуалов. Менаж стал лидером этого небольшого научного сообщества, конкурировавшего как с Французской

академией (созданной по указу кардинала Ришелье в 1635 году), так и со знаменитыми женскими салонами в значительной степени вынужденно: после несчастного случая, обстоятельства которого остаются до конца невыясненными, он повредил бедро и утратил способность передвигаться самостоятельно. В течение четырех десятилетий кружок Менажа был неотъемлемой частью культурного ландшафта Парижа. После смерти ученого (23 июля 1692 года) заведомо «Меркуриалов» решили в память о своем «князе» (так часто обозначался глава небольшой статусной группы в то время) собрать и предать широкой огласке реплики, остроты, разговоры, которым они стали свидетелями.

Книга «Menagiana», ставшая посмертным подношением писателю, вышла в свет в мае 1693 года. В процессе создания рукописи принимали участие как минимум 10 редакторов из круга «Меркуриалов» (у каждого из них в тексте первого издания сохранялась личная марка), однако ведущая роль принадлежала ориенталисту А. Галлану (1646–1715; известен не только научными трудами, но и знаменитым переводом сказок «1001 ночи», изданным в 1704 году), который также выступил в качестве автора предисловия. В этом предисловии Галлан отмечал, что «Менаж держал свой дом открытым каждый день» (Menagiana, 1693, без пагинации): с 1684 года заседания стали, очевидно, ежедневными. В связи с этим в самой книге приводится и реплика самого Менажа: «После несчастного случая, что приключился со мной, я оказался приговорен к заключению на все оставшиеся мне дни. Так как всем стало известно, что я не могу выходить, то парижский свет стал собираться у меня в любой час, так наши Меркуриалы стали ежедневными» (Menagiana, 1693, p. 472).

«Menagiana» предстает коллективным произведением научного сообщества, которое признает своего лидера в качестве авторитета, прежде всего в языковых вопросах. В тексте скрупулезно зафиксированы слова Менажа, причем иногда они повторяются несколько раз с примечательными ремарками вроде такой: «когда он повторял, то делал это применительно к новым обстоятельствам, доставляя удовольствие тем, кто приходил его слушать» (Menagiana, 1693, p. 472). Безусловно, можно говорить о «перформативном» характере текста, выражающемся в не столько научном, сколько светском стремлении не только зафиксировать информацию, но и обозначить ситуацию, в которой тот был актуализирован. Редакторы книги предпочли остаться за рамками своего произведения, чтобы как можно ярче выделить личность Менажа: их собственные рассуждения в тексте крайне редки и очень коротки; суждения самого писателя представлены всегда с особой тщательностью и преимущественно от первого лица. Посредством ремарок Менажа становятся известны мнения его собеседников. Текст оказывается соединением отрывков его обращений, брошенных замечаний, предназначенных гостям: Менаж как будто ведет диалог, обращаясь к тем, кто пришел к нему в гости. Редакторы пытаются сохранить личный тон Менажа, его индивидуальный стиль и желание сконцентрировать весь смысл высказывания в одной фразе, демонстрирующее вполне светское стремление к афоризму.

Расширенное издание «Menagiana», анонсированное в предуведомлении Галлана, появилось уже в 1694 году: в первом томе были более четко структурированы разделы, включен ряд добавлений, почти весь 2-й том содержал новый для читающей публики материал. Для второго издания характерна значительная анонимизация редакторов текста, упразднение их «марок»; Галлан (основную редакторскую работу проделал именно он) скорректировал разговорный стиль ряда замечаний, смягчил ряд смелых выпадов в отношении упоминаемых лиц. Для удобства пользования текстом он сгруппировал статьи вокруг ключевых сюжетов, превратив произведение в своего рода учебник светского красноречия. Образ эрудита создается по матрицам благовоспитанного человека (*honnête homme*), который должен прежде всего нравиться своему собеседнику: редактору важна не столько личность усопшего Менажа и его точка зрения, на первый план выходит именно светский стиль подачи информации. В итоге автор пропадает за остротой, которая становится автономной и самоценной. Эта тенденция закрепилась в третьем издании «Menagiana», напечатанном в 1715 году и включившем 4 тома; его редактором стал Б. де Лемоннуа, сообщающий в предисловии, что «Menagiana» представлена публике в наиболее корректном виде. Предназначая публикуемый текст для провинциальных светских организаций, Лемоннуа окончательно превращает «Menagiana» в учебник светского красноречия, утилитарный характер которого подчеркивается алфавитным расположением статей. Имя Менажа остается лишь знаком соответствия афоризмов и рассуждений, которые достойны произносить завсегда и провинциальных светских салонов.

В первом изводе «Menagiana» личность исторического Менажа со свойственной ему запальчивостью и научным педантизмом представлена наиболее правдиво и еще близка той стратегии научных апа, что появились к моменту ее издания: «Prima Scaligerana» и «Secunda Scaligerana» (созданы в последней четверти XVI – первом десятилетии XVII века), в которых были собраны высказывания Иосифа Юстуса Скалигера (1540–1609), «Thuana» и «Perroniana» (созданы к 1620 году), где зафиксированы научные рассуждения и остроты Ж. О. де Ту (1553–1617) и кардинала Ж. Д. Дюперрона (1556–1618). Указанные тексты были изданы в 1660-х годах (при этом были созданы ранее и хранились в рукописной форме в библиотеках интеллектуалов, в том числе у братьев Дюпюи, в кабинет которых сам Менаж имел доступ). Ранние апа оказываются сконцентрированы на сугубо филологических темах (прояснение этимологии, сложных языковых вопросов), которые преимущественно могли интересовать лишь специалистов. Менаж предстает в первом издании уже как глава светской группы, члены которой после смерти своего лидера создают о нем текст, воплощающий в себе своего рода разделяемое всеми знание, скрепляющее объединение. Публикацию «Menagiana» следует рассматривать как попытку социальной группы заявить о себе, легализовать и социализировать как саму организацию, так и разделяемые ее членами ценности; текст написан

в качестве манифеста этого объединения, декларации о совместно признаваемых ценностях и нормах, а также о лидере-медиаторе, следящем за их соблюдением и за когнитивным соответствием входящих в ассамблею членов. В основе такого общего, хранимого большинством знания был французский язык, а идеалом — умение хорошо и к месту говорить, в силу чего «Menagiana» всегда повествует не о делающем, а о говорящем человеке. Вокруг Менажа дискутируют об этимологиях, просто судачат, обмениваются разнообразными новостями и рассказывают друг другу новеллы и занимательные случаи, цитируют, читают.

Тем не менее бросается в глаза вопиющая разница в трактовке филологических вопросов по сравнению с ранними ана: «Menagiana» оказывается светской ана, а сам Менаж предстает интеллектуалом, который обладает возможностью светской упаковки знания. Менаж, обосновывая свое отношение к французскому языку, отмечает: «Я не нахожу, что со времен Бальзака и Вожла наш язык ушел далеко вперед. Они оба закрепили его своими сочинениями, и никто с тех пор не отличился в нашем языке. Те, кто пришел после них, только приводят язык в возмущение, как я показал в моих замечаниях» (Menagiana, 1693, p. 134).

Обращение к опыту Ж. Л. Геза де Бальзака (1597–1654) и К. Ф. де Вожла (1585–1650) оказывается в высшей степени значимым. Менаж ориентируется именно на их труды, благодаря которым, собственно, и мог возникнуть тип «светского пуриста», который отличается не столько педантизмом, сколько остроумием. Бальзак в своих письмах, созданных в 1620–1640 годах, противопоставляет себя именно педантам и отстаивает принцип *urbanité* — литературы, открытой городу, общественной жизни, построенной на вежливости и учтивости. Показательно его письмо к кардиналу Ришелье (который во многом, очевидно, и инициировал антипедантскую критику, сделав ставку на короля и двор как культурного центра) от 4 августа 1630 года, в котором он объясняет задачи писателей своего круга и обосновывает глобальный проект: «Замысел заключается в том, чтобы сделать удовольствие полезным, спрятать лакомство среди изобилия, и сражаться оружием не только хорошим и сильным, но еще красивым и сияющим. Постараемся цивилизовать учение (*civiliser la doctrine*), изъяв его из Школы и вырвав из рук педантов, которые, орудуя им, портят и пачкают его; они, так сказать, развратники и прелюбодеи, они злоупотребляют на виду у всех вещью такой прекрасной и великолепной» (Balzac, 1834, p. 191). Не менее интересна критика кабинетных ученых, которая оказывается довольно суровой в «Речи, обращенной к госпоже де Рамбуйе» (изд. в 1644 году) Бальзака, а также в его трактатах «Старик» (1648), «Христианский Сократ» (1658) и др.

Бальзак, будучи в значительной степени проводником воли Ришелье, фактически наметил перспективы антипедантской критики, которая стала общим местом в дискурсивных практиках света: кабинетный ученый становится целью сатирической литературы, свидетельством чему оказывается образ

Гортензиуса в плутовском романе «Правдивое комическое жизнеописание Франсиона» Ш. Сореля (1623, перераб. изд. 1626). Образ отшельника, не сумевшего адаптировать свое учение к потребностям общественной жизни, оказывается противопоставлен как раз светскому человеку, для которого характерна легкость, естественность, элегантная небрежность, умение понравиться окружению своей социальной активностью, прежде всего беседой, но не настойчивость в доказательстве истины и стремление продемонстрировать превосходство над своим слушателем (читателем).

В том же, 1630 году, когда Бальзак писал Ришелье о необходимости «цивилизовать учение», его друг Н. Фаре выступил с трактатом «Достойный человек, или Искусство понравиться при дворе», в котором, отталкиваясь от традиций Б. Кастильоне с постулированным принципом *sprezzatura*, описал идеал поведения аристократов, основанный на конформизме и стремлении понравиться окружающей публике: «Они приучили свои вкусы не отвергать то, что им неприятно. И поскольку им известно бесконечное разнообразие форм, которые способен принимать человеческий разум, нет таких нелепых или противных им мнений, которые бы их задевали; равно как нет и таких, которые казались им достаточно разумными, достойными того, чтобы ими увлечься и упрямо поддерживать» (Неклюдова, 2008, с. 55). Фаре, а впоследствии другой теоретик светского обхождения А. Гомбо (шевалье де Мере) будут обличать тех, кто не способен так затронуть в разговоре тему, чтобы не сказать все, что им известно. В отличие от педанта, достойный человек, как скажет позднее в одной из своих максим Ф. де Ларошфуко, не должен «ни на что претендовать» (Ларошфуко, 2011, с. 54). Бальзак и Фаре, разрабатывая идеал достойного человека, избирают в качестве мишени доктрину — гуманистическую культуру, представляющую как раз изводом варварства, которое нужно цивилизовать.

Лингвистические взгляды Вожла получили воплощение в «Замечаниях о французском языке» (1647), где избрана роль не педанта, но светского «достойного человека», который размышляет о том, как правильно и красиво употребить слово, при этом источником нормы служит не кабинет ученого, а светский двор. Вожла утверждает, что образец правильной речи можно найти не в кабинете ученого, а при дворе: «двор действительно является чем-то наподобие хранилища, из которого наш язык извлекает множество прекрасных выражений для изъяснения наших мыслей, и красноречие священников и адвокатов не имело бы необходимых ему изящных оборотов, если бы не заимствовало их почти все у двора» (*Écrire au XVIIe siècle*, 1992, p. 79–80).

Современному читателю, привыкшему к словарям и энциклопедиям, содержащим лингвистическую норму, трудно представить себе саму необходимость такого текста, как «Menagiana», в качестве пособия по языку, ибо его авторитет, по нашим представлениям, всегда будет ниже труда академии или той институции, которая, собственно, и утверждает норму. Авторитет созданной по указу Ришелье Французской академии (1635) был долгое время невысок,

при этом сама академия возникла на основе одной из статусных групп, вроде той, что сложилась вокруг Менажа, в условиях отсутствия центрального органа, устанавливающего языковую норму (словарь Академии появился только в 1694 году), «Menagiana» выполняла функцию словаря для тех, кто ценил авторитет Менажа как знатока французского языка. Сообщество в связи с этим неизбежно определялось как языковое, его члены соотносили себя с корпорацией в том числе из-за того, разделяли культивируемую лингвистическую норму. Примерами дискуссий могут служить следующая реплика: «Я как-то в одном из моих сочинений написал *vingt et un cheval*. Так говорить не разрешено Французской академией, и те, кто будут против меня, будут твердить *vingt et un chevaux*. Надо подчиняться традиции, но в этом случае следует использовать множественное число вместо единственного. Вот одна из странностей нашего языка» (Menagiana, 1693, p. 30).

Исправление ошибок говорящего в условиях отсутствия нормы не было сопряжено с унижением последнего, но становилось способом проверки лояльности собеседника по отношению к тем правилам, которые применяются в группе, механизмами «интеллектуальной притирки»: когнитивное соответствие реализовывалось во время «Меркуриалов» Менажа в большей степени как единообразие лингвистическое. Разговор играл роль критерия интеллектуальной состоятельности, а язык становился маркером принадлежности к сообществу, основными группообразующими факторами «Меркуриалов» были не столько политические, литературные или философские идеи, сколько механизмы их языкового оформления и направление рефлексии по поводу этих механизмов. Существенная часть рассказанных историй посвящена описанию смешного положения из-за неправильного употребления языка, и, наоборот, возвышению человека, накоплению символического капитала при построении высказывания в рамках нормы.

Рассуждение о периоде или правильности употребления слова не становится исключительно книжным знанием, но способствует укреплению авторитета лидера объединения, давая ему возможность расширить свое влияние, представить себя в качестве хранителя нормы, составить себе символический капитал. Язык оказывается способом социальной стратификации и условием формирования объединения: статусные сообщества говорили, по сути, на разных диалектах, а роль контролера и координатора лингвосоответствия доставалась тому, кто мог убедить всех в своем знании языка и в том, что разработанная им норма должна быть всеобщей. Остроты на самые разные, подчас весьма фривольные темы оказываются достойными быть произнесенными на Меркуриалах и, следовательно, быть зафиксированными в «Menagiana» только после тщательного контроля качества работы над словом, т. е. из-за формальной изысканности. Обращает на себя внимание совершенно антипедантский фокус остроты, в которой фигурируют сочинения Ж. Кужа (Куяций, 1522–1590), французского филолога и юриста, одного из блестящих правоведов-гуманистов: «У господина Куяция

была премиленькая дочка, необыкновенная кокетка, совершенно без ненависти к мужчинам. Одному лишь Богу известно, с каким удовольствием ученики прогуливали уроки отца, дабы пойти приласкать дочь. Они называли это комментарием труда Куяция» (Menagiana, 1694, p. 66).

«Menagiana» показывает нам примеры общения между членами группы и лидером, а также общение лидера с медиаторами конкурирующих сообществ, в частности с Ж. Шапленом (1595–1674) и Д. Бууром (1628–1702), с которыми Менаж находился в продолжительных ссорах. Причина разрыва с Шапленом — несоответствие последнего светскому идеалу; Менаж фактически выносит ему приговор как педанту, который «не заботился о других в разговоре и целиком заполнял его самим собой» (Menagiana, 1693, p. 471), при этом сам Менаж подчеркивал свою светскость: «Мы долго были друзьями, поводом для нашей ссоры стал поступок господина Шаплена, который с искренней радостью разорвал со мной все отношения и определил меня среди своих недругов. С моей же стороны, я выражал только уважение и соблюдал правила хорошего тона при наших встречах, а также высказывал похвалу при каждом представлявшемся случае» (Menagiana, 1694, p. 44).

Ссора Менажа с Бууром (1672–1676) тем не менее оказывается следствием восприятия «князя Меркуриалов» как педанта со стороны Буура, выступавшего защитником французского языка и критиковавшего Менажа за его излишнюю увлеченность латинским языком и частое использование латинизмов: «Я не удивляюсь тому, что только латинская фраза будет радовать г-на Менажа: он с удовольствием всегда говорит латынь по-французски из-за своей любви к этому языку» (Vouhours, 1675, p. 516).

Наследник Вожла, Буур выступил теоретиком французского языка и стиля, основанного на чистоте, рациональной понятности, здравом смысле, который отличает его от прочих языков; эти качества происходят, по мысли Буура, именно из-за говорящего стремления понравиться говорящему: «Для того, чтобы нравиться <...>, вовсе не следует иметь чрезмерное желание нравиться, а чтобы хорошо говорить по-французски, вовсе не следует хотеть слишком хорошо говорить. Красивый язык похож на чистую и прозрачную воду, текущую из источника, стекающую естественным путем по склону, а не на эти искусственные потоки воды, которые насильно подводят к садам сильных мира сего и которые выделывают там тысячи различных фигур. И французский язык еще ненавидит все избыточные украшения: он стремится, чтобы полностью обнажить свои слова с тем, чтобы выражаться более простым образом; он украшает себя только тогда, когда необходимость и уместность этого требуют» (Vouhours, 1671, p. 78–79). Величественность французского языка и поэзии происходит именно из их естественности, отсутствующей в том числе и в латыни: «Язык французских поэтов не схож с наречием поэтов иноземных, у которых оно так далеко от обычного разговора. Наши музы избавлены от стремления стать свободными и подверженными порывам, как это происходит с музами итальянскими

или испанскими, не говоря уже о греческих или латинских: наши музы, говорю я, столь благоразумны и сдержанны, что не позволяют себе никаких излишеств. Они остерегаются отдаваться тем приступам исступления, которое, каким бы божественным оно не было, часто заставляет говорить глупости» (Bouhours, 1671, p. 75). Обращенные к Менажу упреки в излишнем почтении к латинскому языку, безусловно, связаны как с критикой педантизма, так и с глобальным процессом утверждения тезиса о превосходстве французской культуры (в том числе языка) над прочими, как древними (в таком случае можно говорить об успешном окончании начатой Ришелье программы дискредитации педантов), так и современными (итальянский и испанский языки оказываются по-барочному неестественными): простота, сдержанность и естественность, практическая неотличимость от обыденной речи становятся атрибутами идеального французского языка. В итоге светскость взяла верх над ученостью в «Menagiana». Менаж отмечает: «С тех пор, как мы с господином де Бууром помирились, я более не нахожу ошибок в его трудах и пишет он складно и учтиво» (Menagiana, 1693, p. 78).

Отраженные в статье материалы позволяют прийти к выводу, что «Menagiana» и кружок Менажа выступают посредниками между светским и научным знанием, а также средством разработки научного знания, в том числе филологического, приемлемого для *honnête homme*; сама деятельность кружка Менажа иллюстрирует происходящие процессы, направленные на разработку принципов и методик светской вульгаризации науки. «Menagiana» предстает в этой связи своеобразным вариантом современной публицистики, компромиссом учености и светского вежества: филологическая ученость оказывается ценной не сама по себе (как, скажем, в «Scaligerana» и других ранних ана), а в качестве средства социального успеха.

Список источников

1. Wild, F. (2001). *Naissance du genre des ana (1574–1712)*. H. Champion.
2. Wild, F. (2022). *Naissance du genre des ana (1574–1712)*. Classiques Garnier.
3. Abiven, K. (2015). *L'anecdote ou la fabrique du petit fait vrai. Un genre miniature de Tallemant des Réaux à Voltaire (1650–1756)*. Classiques Garnier.
4. Golubkov, A. V. (2022). Scaligerana: la langue comme sujet. *Studia Litterarum*, 7, 110–125.
5. *Menagiana*. (1693). Menagiana, sive excerpta ex ore Aegidii Menagii. F. et P. Delaulne.
6. Balzac Guez, J. L. (1854). *Œuvres*. J. Lecoffre.
7. Неклюдова, М. С. (2008). *Искусство частной жизни: Век Людовика XIV*. ОГИ.
8. Ларошфуко, Ф. де. (2011). *Максимы*. АСТ.
9. *Écrire au XVIIe siècle*. (1992). Presses pocket.
10. *Menagiana*. (1694). Menagiana ou les bons mots, les pensées critiques, historiques morales et d'érudition de M. Ménage, recueillies par ses amis. 2e édition augmentée. F. et P. Delaulne.
11. Bouhours, D. (1675). *Remarques nouvelles sur la langue française*. Sebastien Mabre-Cramoisy.
12. Bouhours, D. (1671). *Les entretiens d'Ariste et d'Eugène*. J. Le Jeune.

References

1. Wild, F. (2001). *Naissance du genre des ana (1574–1712)*. H. Champion.
2. Wild, F. (2022). *Naissance du genre des ana (1574–1712)*. Classiques Garnier.
3. Abiven, K. (2015). *L'anecdote ou la fabrique du petit fait vrai. Un genre miniature de Tallemant des Réaux à Voltaire (1650–1756)*. Classiques Garnier.
4. Golubkov, A. V. (2022). Scaligerana: la langue comme sujet. *Studia Litterarum*, 7, 110–125.
5. *Menagiana*. (1693). Menagiana, sive excerpta ex ore Aegidii Menagii. F. et P. Delaulne.
6. Balzac Guez, J. L. (1854). *Œuvres*. J. Lecoffre.
7. Nekliudova, M. S. (2008). *The Art of Private life: The Century of Louis XIV*. OGI. (In Russ.).
8. La Rochefoucauld, F. de. (2011). *Maximes*. AST. (In Russ.).
9. *Écrire au XVIIe siècle*. (1992). Presses pocket.
10. *Menagiana*. (1694). Menagiana ou les bons mots, les pensées critiques, historiques morales et d'érudition de M. Ménage, recueillies par ses amis. 2e édition augmentée. F. et P. Delaulne.
11. Bouhours, D. (1675). *Remarques nouvelles sur la langue française*. Sebastien Mabre-Cramoisy.
12. Bouhours, D. (1671). *Les entretiens d'Ariste et d'Eugène*. J. Le Jeune.

Информация об авторе / Information about the author

Андрей Васильевич Голубков — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела классических литератур Запады и сравнительного литературоведения Института мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук.

Andrey V. Golubkov — D. Sc. (Philology), Leading Researcher at the Department of Classical Literature of the West and Comparative Literature of the A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.